

Константин Михайлович Станюкович

«Отчаянный»
(«Морские рассказы»)

Содержание

I.....	.0004
II.....	.0009
III.....	.0015
IV.....	.0019
V.....	.0024
VI.....	.0031
VII.....	.0036
VIII.....	.0043

**Константин Михайлович
Станюкович
«ОТЧАЯННЫЙ»**

На Транзундском рейде, где практическая эскадра Балтийского флота простаивает большую часть короткого лета, стоял броненосный корабль «Грозящий» под флагом младшего флагмана, контр-адмирала почтенных лет, который «выплаывал» свой ценз на старшего флагмана и чин вице-адмирала.

Был первый час пасмурного и прохладного дня в конце июня. Матросы только что отобедали – на судах эскадры. Боцманы просвистали и выкрикнули:

– Команда, отдыхать!

Минут через пять боцман «Грозящего» Жданов отхлебывал чай, попыхивая папироской, в своей маленькой каютке на кубрике, чистой и убранной не без претензии на щегольство.

Фотографии высокопоставленных особ, отца Иоанна Кронштадтского и командира «Грозящего» в красивых выпиленных рамках, сделанных одним матросом за «спасибо» боцмана, были развешаны в соответствующем порядке на переборке против койки, аккуратно-

но покрытой серым байковым одеялом, с двумя взбитыми подушками в белых наволоках в изголовье.

А над койкой, на дешевом ковре, красовался в голубой рамке с нарисованными незабудками фотографический кабинетный портрет молодой женщины с миловидным лицом и топорной фигурой, с растопыренными пальцами непомерно больших рук, выставленных, несомненно, ради колец, с брошкой на короткой шее и с серьгами в ушах.

Нечего и говорить, что эта дама в нарядном платье и в шляпке с перьями была супругой боцмана Жданова.

Он ничем не напоминал боцманов старого времени, этих смелых моряков, свершавших геройские поступки, не догадываясь о своем геройстве, отчаянных ругателей, бесшабашных пьяниц на берегу и огрубелых, но не злых, которые не чуждались таких же бесправных матросов, как они сами, и, разумеется, считали их товарищами я кляузы по начальству считали делом, недостойным боцмана.

К тому же и знали, что матросский линч

усмирит боцмана, коли он несправедливый и зверствует в «бое».

Жданов – боцман новых времен и, разумеется, несравненно культурнее. Это был молодой человек лет тридцати, невысокого роста, плотный, склонный к полноте, франтовато одетый, понимающий обращение и не говорящий грубым голосом «луженой глотки», с большими круглыми глазами, усердными и решительными, рыжий, с веснушчатым белым румяным лицом, серьезным и самодовольным, выстриженный под гребенку и с небольшой подстриженной огненной бородой. На безымянном пальце опрятной руки – золотое обручальное кольцо, и на мизинце – перстень с бирюзой.

Разумеется, он не пил ни водки, ни вина. Иногда только баловался бутылкой пива. И без устали не сквернословил как виртуоз, а ругался тихо, внушительно и кратко.

Тщеславный и самодовольный, он, казалось, весь был проникнут сознанием своего достоинства и держал себя в отчуждении от матросов, чтобы не уронить престижа власти, связавшись с необразованной и грубой мат-

росней, которая могла бы забыться перед боцманом и притом человеком других понятий. Недаром же он получал газету «Свет», почи­ тывал книжки и считал себя очень умным и проницательным боцманом, который устроит благополучие своей жизни.

С матросами он обращался с внушитель­ ной строгостью и был беспощаден, особенно с провинившимися перед дисциплиной, и про­ тиворечий не допускал. Зато с офицерами был почтителен до искательности.

Морскую службу Жданов не любил. Осо­ бенно не любил и трусил моря, когда оно на­ чинало рокотать и вздувалось большими вол­ нами, но был безукоризненный исполнитель и усердный боцман, щеголявший своим пе­ дантизмом и безупречным поведением в гла­ зах начальства.

И Жданов, пользуясь своим положением, не разбирал средств в приобретении. За шесть лет службы он скопил деньжонки. Прижимистый и оборотистый, он рассчиты­ вал заняться каким-нибудь торговым делом, когда выйдет в запас.

Матросы боялись и не любили высокомер-

ного и несправедливого боцмана, но он не обращал на это внимания. Жданов был уверен, что капитан и старший офицер ценят и одобряют строгого боцмана. Да и матросы не сме-ли бы жаловаться на него. Они были надежные, да и он их держал в строгом повиновении.

Один только матрос, первую кампанию служивший на «Грозящем», обращал на себя беспокойное и озлобленное внимание боцмана.

«Совсем отчаянный!» – думал Жданов.

Он, разумеется, знал, что во время отдыха команды не имел права без особенной нужды беспокоить матросов, но потребовал Отчаян-ного.

Когда молодой худощавый чернявый матрос маленького роста вошел в боцманскую каюту и без всякого страха остановился у двери, боцман уже начинал беспокойно злиться.

Он медленно допивал стакан, умышленно не обращая внимания на матроса.

И, наконец, подняв на него злой неподвижный взгляд и понижая голос, значительно и медленно проговорил:

– Митюшин!

– Есть!

– Догадался, по какой причине боцман тебя потребовал?

– Я недогадливый! – ответил Митюшин.

Матрос не назвал боцмана Иваном Артемьевичем. Не вытянувшись перед ним, он стоял в непринужденной позе. Его смуглое с тонкими чертами лицо, обыкновенно подвижное, словно бы застыло в серьезном и строгом выражении. В сдержанном официальном тоне мягкого тона голоса как будто звучала ироническая нотка, и в быстрых ост-

рых черных глазах Митюшина мелькнула насмешливая улыбка и исчезла.

«Ишь, как стоит перед боцманом!» – подумал Жданов.

И, сдерживая гнев, самолюбиво покраснел и сказал:

– Так догадайся!

– Насчет чего?

– Хотя бы насчет того, что я насквозь вижу человека и могу его понять.

Митюшин молчал, словно бы поддразнивая боцмана.

– Сообразил?

– Видно, не сообразил!

– А еще много воображаешь о себе! – презрительно кинул Жданов.

Митюшин не возражал. Только глаза улыбнулись, верхняя тонкая губа в углу рта подергивалась, и лицо приняло вызывающее и слегка надменное выражение.

Боцман чувствовал едва скрываемое пренебрежение к себе матроса. С каким наслаждением истребил бы он эту дерзкую рожу! Но Жданов трусил Отчаянного. От него всего можно ожидать.

Изнывая в злобе и едва сдерживаясь, боцман еще медленнее пытал Митюшина, процедив с угрозой в скрипучем своем голосе:

– Как бы не вышло с тобой серьезных неприятностей!

Митюшин словно бы нарочно зевнул, с видом человека, которого не пугают угрозы боцмана, а только наводят скуку, и равнодушно спросил:

– Какие еще неприятности?

– Дурака не строй... Не дерзничай... Ты с кем говоришь?

– С боцманом.

– Так смотри же у меня! – грозно крикнул Жданов, начиная терять самообладание.

– Что мне смотреть?

– Я тебе покажу, какие боцмана!

– Что показывать? Видел, какие из вас боцмана... А службу я сполняю как следует и закон понимаю.

– По-ни-ма-ешь? – выговорил разделено боцман багровея.

– Очень даже понимаю! – вызывающе бросил матрос.

Жданов вскочил, словно ужаленный, с та-

буретки и задыхающимся злобным голосом проговорил:

– Разве не знаю, какой ты отчаянный матрос и какие твои незаконные мысли?.. О каких ты правах толкуешь матросам и перед ними куражишься?.. «Я, мол, все понимаю и ничего не боюсь, а вы, мол, терпите беспресловенно...» Знаю, какой ты пересмешник выискался и смехом порочишь начальство, которое почитать обязан по присяге. Так я с тебя этот форц собою. Поставлю в дисциплину на линию. В штрафные не долго перевести, хоть ты и первой статьи матрос. А тогда и по закону будут тебя пороть, умника. А прежде и без закона отполируют, как доложу, какой ты есть паршивая овца. Узнаешь, как бунтовать и команду мутить...

Матрос вспылil и с заблестевшими злым огоньком глазами взволнованно проговорил:

– Что ж! Доноси по начальству... Ври!... Я найду свои права!

– Молчать перед боцманом!..

– Я слушал твои умные речи. Послушай и мои! – решительно и возбужденно заговорил Митюшин. – Мы ведь с глазу на глаз. Может,

и не слыхал от людей, какой ты бесстыжий и какой взяточник, боцман... Доноси, господин боцман... Пусть меня отдадут под суд, с моим удовольствием... Не сдрейфлю! Быть может, правда всплывет, как ты с матросов деньги берешь да на себя заставляешь их работать. Кто стул, кто обшить, кто сапог, кто тебе вместо вестового... Дратся прав нет, а вы, сволочь, боцмана да унтерцеры, зубы выбиваете... Знаете, что боятся жаловаться, так вы тиранствуете?! И как бы деньгами где поживиться... Это тебе вместо бога... Бог-то только на языке, а в душе один рупь целковый да беззаконие! И как я ежели говорю, что на закон плюют и совесть забыли, – так я, по твоему воображению, бунтовщик? Ежели понимаю, что неправдой живете, так это бунт?! Свой же брат, такой же подневольный мужик был, а грозит в штрафные да пороть... Полагаешь – испугать и на линию поставить. Умник. Насквозь человека видишь, а не видишь, что не всякий свинья и за грош душу не продаст. Да и старшему офицеру, видно, не в догадку, какой ты во всей форме мерзавец!

Этот великолепный и благополучный боц-

ман, считавший себя необыкновенно важной особой на корабле, ахнул от изумления и, растерянный, не останавливал дерзких слов возмущенного матроса.

Но прошла минута, и Жданов двинулся к матросу, помахивая кулаком. Побледневший как смерть Митюшин не подался шагу назад и, решительно глядя в глаза боцмана, кинул:

– Смей только. Искровяню твою сытую свиную морду!

И Жданов отвел свой взгляд. Кулак боцмана опустился. И еще медленнее прохрипел он сдавленным от злобы голосом:

– Поймешь, как найдешь свои права! Узнаешь, что с тобой, отчаянным, будет за оскорбление боцмана... Вон!

– Доноси, Иуда! Как бы самому не поперхнуться... Не все же поверят, что ты бунт открыл! – презрительно кинул матрос...

С этими словами Митюшин вышел из боцманской каюты.

И матросы называли Митюшина «Отчаянным».

Они дивились башковатому и беспокойному маленькому матросу, который ничего не боится, так как горячится против несправедливости и обижается, если что не по закону.

Матросы любопытно слушали возбужденные страстные речи, но недолголюбивали и побаивались «законника» за его подчас ядовитые шутки и насмешки и часто не понимали, из-за чего кипит этот образцовый по службе матрос и за что постоянно «скалит зубы» над своим же братом.

– Одно слово – отчаянный и много о себе полагает! – говорили про Митюшина.

Отчаянный чувствовал, что его алчущая правды душа не встречает сочувствия и что он, нелюбимый за язык, одинок.

И все-таки призывал возмущаться неправдой, издевался над равнодушными.

Теперь в беспокойном сердце Отчаянного прибавилась обида – и тяжкая обида! Нашелся матрос, который на своего же брата науш-

ничал подлецу боцману! И за что? За то, что Митюшин матросам же хочет добра, защищая закон!

Митюшин знал, что против дисциплины виноват, «отчекрыжив» боцмана, и что во всяком случае будет «разделка». «Пожалуй, и под суд отдадут, ежели подлый боцман прибавит старшему офицеру всякого вранья и кляуз!» – рассуждал Митюшин.

И в минуты сомнения насчет торжества правды его воображение рисовало уже нещадную оскорбительную порку по закону после перевода в штрафные.

Но Отчаянный не только не сожалел о случившемся, а, напротив, испытывал нравственное облегчение. Острое беспокойство возмущенной души точно утихло после того, как боцман получил вполне им заслуженную сдачу.

«По крайней мере, пусть знает, какой он подлец!»

Митюшин предполагал, что боцман уже докладывает старшему офицеру об отчаянности подчиненного и после отдыха старший офицер позовет к себе и потребует объясне-

ния.

Отчаянный тревожно ждал призыва и думал:

«Хотя старший офицер и строгий, но позволит обсказать все дело и тогда поймет, что исправный и усердный по службе матрос, который ни разу еще не был незаконно наказан, не в отместку за себя сдерзничал боцману. И какой же Митюшин бунтовщик, если он только беспокоится из-за закона и подлости боцмана?»

Отчаянный не спал. Не до сна ему было.

Он повторял в уме то, что объяснит старшему офицеру, настроенному боцманом, и смелость Отчаянного диктовала смелые слова. Они, казалось ему, должны быть так же убедительны, как сама правда.

И сомнения рассеивались, как тучи ветром. Беспокойному мечтателю матросу верилось, что правда «окажет» и что старший офицер «полным ходом войдет в понятие».

Митюшин вспомнил, что до сих пор его не обескураживали на «Грозящем».

Действительно, он завоевал себе некоторое уважение.

На «Грозящем» были офицеры, которые напоминали старые времена флотской выучки. Она, казалось, снова входила в моду, и даже юные мичмана насакивали с кулаками на людей и не испытывали ни малейшего смущения.

Но все эти господа, по-видимому, понимали, что Митюшин выделялся из толпы матросов и сознанием человеческого достоинства и пониманием своих прав. И потому закон оберегал неприкосновенность его тела. Да к тому же толковый и усердный матрос безукоризненно служил и не давал повода офицерам к выучке.

Час отдыха прошел. Просвистали вставать. Вслед за тем пробила тревога к артиллерийскому учению.

На мостик поднялся толстый, небольшого роста адмирал, с седой бородой, обрамлявшей добродушное полное лицо, довольный и ласково улыбающийся, каким привыкли все видеть младшего флагмана, когда он «выплаывал» свой ценз для увенчания его морской карьеры на якоре и, следовательно, не опасался за целость его броненосцев, – ведь эти великаны требуют искусного управления и часто напарываются на камни или притыкаются к мелям.

Адмирал смотрел на ученье, и маленькие добрые глаза его превосходительства принимали выражение мечтательного восторга при виде этих быстро заряжаемых гигантов-орудий, точно адмирал представлял себе настоящий бой, насколько могло представить воображение человека, не бывавшего в боях, – «Грозящий», натурально, победителем какого-нибудь «торгаша-англичанина».

– Превосходно-с, Виктор Иваныч! С особенным удовольствием смотрю на наших молодцов... Картина-с, – проговорил адмирал, обра-

щаясь к капитану, стоявшему чуть-чуть сзади него, и приподнял голову и молодцевато выгнул грудь, чтобы казаться более высоким и более воинственным.

Пожилой плотный и представительный брюнет среднего роста, озабоченно и несколько беспокойно глядевший на ученье, приложил пальцы к козырьку фуражки и чуть подался вперед.

– Я и мечтаю-с, Виктор Иванович... И как думаете, о чем?

– Не догадываюсь, ваше превосходительство!

– О том, что объяви нам Англия войну, так с такими матросиками, как наши, да с таким духом, как у нас, – раскатали бы мы англичан... Главное – дух... Что-с?

– Наверное, ваше превосходительство! – ответил капитан. И в то же время, сохраняя почтительно официальный вид хорошо вышколенного подчиненного, подумал: «Не то говоришь ты, адмирал! Нам не сунуться в море. Спрячем свой флот в Кронштадт и простоит он там! И теперь больше стоим, чем плаваем».

На это капитан, впрочем, не претендовал.

Как и адмирал, он не любил плаваний, которые так издегивали нервы осторожного до боязливости человека, не уверенного ни в себе, ни в тех судах, которыми командовал, пока благополучно «выплаывал» ценз.

Командовал «Грозящим» он только два месяца и, разумеется, не знавший его качеств (раньше он управлял броненосцами другого типа), был доволен стоянкой в Транзунде и, не без страха ответственности за свой семимиллионный броненосец, думал о переходах по Финскому заливу. Того и гляди... беда!

– Как фамилия этого комендора, Виктор Иванович? – спросил Адмирал, указывая коротким белым и пухлым пальцем на Отчаянного, распоряжавшегося у орудия.

– Митюшин, ваше превосходительство!

– Бравый комендор... Любуюсь им, Виктор Иванович!

– Усердный матрос, ваше превосходительство... Не правда ли, Иван Петрович?..

Старший офицер, длинноногий и худой капитан второго ранга, лет за тридцать, в очках, с академическим значком на груди поношен-

ного сюртука, озабоченный, раздражительный и несколько ошалевший, точно человек, что-то позабывший, и своей фигурой, и удлинённой формой лица с длинным носом, и круто срезанным лбом напоминал собою болотную птицу.

Он порывисто подтвердил аттестацию капитана и, обращаясь к адмиралу, прибавил:

– Умный и способный матрос, ваше превосходительство!

– А поведения?

– Благонадежного, ваше превосходительство.

– Значит, не «закатывает»? – добродушно спросил адмирал и рассмеялся тихим мелким смехом.

– Трезвый...

– Так сделали бы его унтер-офицером! – в форме совета промолвил адмирал.

– Он уже на виду к производству... И боцман бы вышел хороший, ваше превосходительство.

– То-то я сразу заметил матроса... И лицо открытое... – промолвил адмирал.

Когда артиллерийское учение было окон-

чено, старший офицер подошел к Митюшину и сказал:

– Молодцом, Митюшин! И адмирал тебя заметил.

– Слушаю, вашескобродие! – вымолвил матрос вместо обычного ответа – «рады стараться».

– Старайся, Унтер-офицером будешь!

По-видимому, это обещание не обрадовало Отчаянного. Он промолчал, и когда старший офицер пошел далее, выступая длинными шагами и поворачивая по сторонам голову, Митюшин усмехнулся и мысленно произнес:

«Нашел „цапель“ унтерцера! Какова еще будет разделка за боцмана! Верно, вечером, когда боцман пойдет к старшему офицеру за приказаниями, оплетет он матроса и тогда „цапель“ потребует», – подумал Митюшин.

Но пришел вечер, матросы отужинали, а Митюшина старший офицер не требовал.

Неизвестность тревожила Митюшина. Ему хотелось с кем-нибудь поделиться сомнениями и услышать слово одобрения.

И он в тот же вечер рассказал о своем столкновении с боцманом рулевому Чижову. Он был аккуратный, исправный и обходительный человек. Себя он не «оказывал», как говорил Митюшин, так как Чижов больше отмалчивался при щекотливых словах Отчаянного на баке или уходил. Но, казалось, понимал его и как-то с глазу на глаз одобрил его слова насчет «закона», хотя и умел в то же время ладить с боцманом Ждановым.

Рассказ Митюшина не вызвал сочувствия в Чижове.

Он покачал белобрысой головой, словно бы сокрушенно, и, оглянувшись вокруг лукавыми раскосыми глазами, тихо проговорил:

- Твое дело дрянь, Митюшин... Крышка!
- Будто? – недоверчиво спросил Митюшин.
- Очень даже просто. Напрасно ты оконфузил боцмана. И безо всякого права. Ведь с тобой он обращался по-благородному?

– Положим...

– В физиономию не заезжал? Боцманских слов не загибал?

– Смел бы?

– Он только почтения требовал... Так чего было с им хорохориться?.. И довел до злобы... Зачем ты связался с боцманом и отчекрыжил, какой он такой... По какому твоему форцу? Зачем беду накликать? – сентенциозно, не одобряя поступка Митюшина, прибавил Чи-жов.

– Зачем? – переспросил Отчаянный.

В его насмешливом голосе звучала грустная нотка разочарования в человеке, на которого надеялся.

– То-то зря... Форц хотел показать боцману.... себя потешить? Ну и потешился, а какой прок? Боцмана не обанкрутил, а себя зря обвиноватил. Небось, боцман с рассудком... Он во всей форме «обуродует» тебя по начальству... Ответь-ка насчет бунта!.. Вроде быдто бунт и окажет...

– И отвечу! – возбужденно промолвил Отчаянный.

– Ответишь? Отдадут тебя под суд и в

штрафные – это как бог!

– Пусть! – раздраженно, возмущаясь Чижев, ответил Митюшин.

– Пусть не пусть, а из-за фанаберии отдуешься... Насчет закона горячиться... Права, мол, имеешь? Тебе покажут права... И тебя же люди дураком назовут... Не суйся, мол, в чужую глотку... Мог бы за башковатость и старание в унтерцеры выйти... Ладил бы с начальством и жил бы по-хорошему, с опаской. А теперь за твое мечтание – крышка... Старший офицер строгий, не простит, – потому неповиновение. За это не прощают, не думай. И как пойдет опрос, дознаются, что ты насчет закона да про всякое начальство баламутил из-за своего языка... Не стеснялся своего звания... Вовсе, как дурак, втемяшился... А жил бы да жил, Митюшин, как прочие люди, если бы боцмана не оконфузил...

Отчаянный молчал, словно бы не находил слов, и, казалось, был подавлен.

И Чижев, подумавший, что Отчаянный трусил, прибавил:

– Одна есть загвоздка. Избавился бы от беды...

– Какая?

– Повинись перед боцманом. Тоже и ему не лестно, как в суде его обскажут... Пожалуй, простит... А тебе что?

Отчаянный серьезно ответил:

– Ай да ловко уважил! Спасибо, приятель!

– За что?.. Куда ты гнешь?

– Вполне открылся, какой ты есть, с потрохами!

– Видно, не нравится, что обо всем полагаю с рассудком?

– Даже с большим рассудком – обессудил меня дураком...

– Не лезь на рожон. Не полагай о себе...
Помни, что» матрос.

– А поклонись я боцману и выйди в унтер-церы да незаконно чисти твою лукавую рожу, так поумнею? Обскажи-ка! – с презрительной насмешкой промолвил маленький матрос.

– Ты все зубы скалишь!

– А как же с тобой?

– В штрафные, что ли, лестно?

– Беспременно желаю. Оттого и зубы скалю!

- Перестанешь! – злобно сказал Чижев.
- И скоро?
- Хоть завтра пройдет твоя отчаянность!
- По какой-такой причине?
- Отшлифуют на первый раз за боцмана.

Небось, прошлое лето выпороли одного матроса и перевели в штрафные... Очень просто!

Митюшин ужаснулся при мысли, что его завтра же могут позорно наказать, и возмутился, что свой же брат, матрос, точно злорадуется позору ближнего и беззаконию.

Но в темноте вечера, у борта на баке, где два матроса беседовали, Чижев не видел бледного взволнованного лица и сверкающих черных глаз Отчаянного.

– Пусть шлифуют! А ты смотри! – вызывающе кинул он, скрывая свой ужас.

Чижев удивился:

– И с чего это ты такой отчаянный? Не могу я в толк взять...

– Ветром надуло...

– Где?

– На фабрике.

– Так. А на царской службе тоже, значит, надуло? – иронизировал Чижев, оскорблен-

ный тоном Отчаянного.

– Верно, что так...

– Чудно что-то...

– Видно, не слыхал, что люди тоскуют по правде? – вдруг воскликнул Митюшин.

Чижев недоверчиво усмехнулся.

– То-то не понять! Душа в тебе свинья, а рассудок подлый... Еще рад, что матроса отпорют без всякого закона! Думаешь, только больно, – а не то, что позорно и обидно... И что присоветовал!.. Совесть-то в деревне оставил... А я полагал, что ты хоть и трус, а все-таки с понятием втихомолку! – негодуя прибавил Митюшин, возвышая голос.

– Ты что же ругаешься? Это по каким правам?

– Вали к своему боцману... Виляй свиным своим хвостом и обсказывай. Может, и ты ему про меня кляузничал... Так заодно...

– Усмирят тебя, дьявола отчаянного!

И Чижев, полный ненависти к нему, отошел.

Раздали койки. Митюшин долго не засыпал, думая грустные думы.

С полуночи он вышел на вахту и мерно

шагал по палубе, ни с кем не заговаривая; он снова думал, одинокий, тоскующий, как вдруг к нему подошел матросик-первогодок.

Митюшин остановился.

– Что тебе? – спросил он.

Матросик застенчиво и душевно проговорил, понижая голос до шепота:

– А тебя, Митюшин, господь вызволит из беды за твою смелость. Я хоть и прост, а понял, отчего ты тоскуешь. Из-за правды тоскуешь. Из-за нее проучил боцмана! Жалеешь матроса, беспокойная ты душа!

– Спасибо на ласковом слове, Черепков! – горячо и взволнованно проговорил Митюшин.

И смятенная его душа просветлела.

Отчаянный вдруг почувствовал, что он не одинок.

Утром, когда на «Грозящем» шла обычная «убирка», боцман Жданов был еще неприступнее и ходил по кораблю, словно надутый и обозленный индюк.

Сегодня боцман наводил большой страх на матросов. Более, чем обыкновенно, он сквернословил, придираясь из-за всякого пустяка, и несколько матросов прибил с хладнокровной жестокостью, не спеша и молча.

Отчаянный волновался.

Одному матросу, у которого из зубов сочилась кровь, он возбужденно и громко сказал:

– Что ты позволяешь этому зверю боцману тиранствовать над собой? Он не смеет драться!

Матрос молчал. Притихли и другие матросы, стоявшие вблизи. Притихли и любопытно ждали, что будет. Боцман стоял в двух шагах и слышал каждое слово Отчаянного.

Но Жданов только бросил на Митюшина беспощадный злой взгляд и пошел далее, великолепный, строгий и высокомерный.

«Сегодня будет разделка!» – решил Митю-

шин.

Действительно, за четверть часа до подъема флага вестовой старшего офицера вприпрыжку подошел к Митюшину.

– Старший офицер требует в каюту! – проговорил невеселым тоном вестовой.

И, понижая голос, участливо скороговоркой прибавил:

– Освирепел... страсть! Сей минут боцман был у «цапеля» и на тебя, Митюшин, кляузничал... Я заходил в каюту и слышал, как боцман против тебя настраивал. Так ты знай!

– Спасибо, брат! – порывисто проговорил Митюшин.

– А первым делом помалкивай... Слушай и не прекословь. Как отзудит, тогда обсказывай: так, мол, и так! Дозволит!

Митюшин, слегка побледневший и возбужденно припоминая смелые слова, которые хотел сказать, быстро спустился в кают-компанию.

Там сидели почти все офицеры корабля вокруг большого стола за чаем.

При появлении Отчаянного оживленные разговоры и споры вдруг стихли.

В кают-компании только что узнали, что этот исправный и способный матрос осмелелся бунтовать и ругать при матросах даже самого адмирала. А боцмана чуть было не ударил.

И многие офицеры изумленными и беспощадными глазами оглядывали маленького смугловатого матроса с дерзкими глазами, который решительно и смело шел, направляясь к каюте старшего офицера.

– Экая наглая скотина! Тоже, агитатор на военном корабле! – презрительно воскликнул один юный пригожий мичман.

– Не ругай человека. Не по-джентльменски! Да еще не в отместку ли наговорил боцман. Нельзя ему доверять! – произнес по-французски высокий, с открытым добродушным лицом, брюнет мичман, обращаясь к товарищу укоризненно.

Митюшин догадался, что речь о нем. Он знал, что брюнет был добер с матросами и понимал закон.

Отчаянный бросил на мичмана быстрый сочувственный взгляд, точно благодарил единственного защитника, и без всякой рабо-

сти постучал в двери старшего офицера.

– Входи!

Матрос вошел в просторную светлую одиночную каюту и, остановившись у запертой им двери, побледнел и, строго серьезный, напряженно глядел на старшего офицера. Слова, которые хотел сказать Отчаянный, словно бы исчезли из его головы в первую минуту.

Худощавый и высокий, Иван Петрович сидел у письменного стола, согнувши свои длинные ноги, и гневно, со сверкавшими под очками серыми глазами, взволнованно и торопливо делал затяжки из толстой папиросы и неистово теребил костлявыми длинными пальцами жидковатую русую бороду.

При взгляде на Митюшина, не имевшего виноватого вида, небольшие глаза старшего офицера расширились от изумления при такой, казалось, наглости матроса. И Иван Петрович уставился на Отчаянного, словно бы первый раз в жизни увидел и хотел рассмотреть такого опасного негодяя, который совершил неслыханное нарушение дисциплины и обнаружил возмутительные понятия.

Не роняя слова, старший офицер все более

возмущался, отдаваясь гневу.

Так прошло несколько секунд.

Матрос не опускал глаз.

— Ты вот какой! — наконец начал Иван Петрович, окончив папиросу. — Русский матрос нарушил присягу... Да... Присягу и совесть! Подстрекал матросов к неповиновению предержащим властям... Опорочил боцмана, ругал его и грозил оскорблением действием!.. Осмеивал начальство! А я еще хотел произвести тебя в унтер-офицеры, думал, что ты... Под суд... Будешь в морской тюрьме.

Митюшин не верил ушам, когда узнал, в чем его обвиняет и чем угрожает старший офицер, поверивший боцману.

— Вашескобродие! Дозвольте объяснить!

— Молчать! — крикнул старший офицер.

Митюшин смолк; казалось, положение его безнадежное... Старший офицер продолжал говорить и, взвинчивая себя гневом, уже грозил, что за подобное преступление присудит в арестанты.

— Под арест! На хлеб и воду! И если еще кому-нибудь дерзость — выпорю! — закончил старший» офицер.

Гнев его в ту же минуту стал утихать... Точно грозовая туча разразилась. И он словно смутился, когда мог увидеть в этом бледном, страшно серьезном лице «преступника» страдальческое выражение и в глазах что-то тоскливое, словно бы полное укора и в то же время смелое.

– Вашескобродие! Дозвольте объяснить! – снова начал Митюшин.

– Что можешь объяснить? Боцман все доложил, какой ты гусь...

– Боцман, Вашескобродие, оболгал меня!

– Ты врешь... Разве боцман станет клеветать на матроса?

– Я бога помню, Вашескобродие, и не вру! Боцман в отместку наклеузничал, и вы изволили поверить... На суде правда окажется, Вашескобродие...

Лицо Отчаянного дышало такой правдивостью и голос звучал такой искренностью, что матрос уже не казался «преступником», заслуживающим тяжкого наказания, и строгий офицер невольно смущенным тоном спросил:

– Ты ругал боцмана и грозил побить?..

– Точно так, ваше благородие!

– Разве боцман тебя теснил? Ведь с тобою все хорошо обращались?

– Точно так, Вашескобродие. Боцман не теснил, и все со мною обращались по закону...

– Так почему же ты оскорбил боцмана?

– Он тиранствует над матросами, Вашескобродие, и нет ему узды. Вам неизвестно, какой он взяточник и как бьет людей... И когда он поднял на меня кулаки в своей каюте, я не позволил... Сказал, что дам сдачу... Каждый это скажет, если доведут... Закона нет драться и оскорблять... И матрос может чувствовать! За дерзости я виноват, вашескобродие. Но не бунтовал и не подстрекал к неповиновению. Я только говорил матросам, что по закону нельзя драться, что надо жить по правде и по совести. Это разве бунт?

Митюшина словно бы захлестнула какая-то волна. Он возбужденно и страстно в подробности рассказал о столкновении с боцманом и отчего не может уважать такого бессовестного человека, из-за которого безвинно терпят матросы и не смеют жаловаться из боязни, что правда не всплывет и правые оста-

нутся виноватыми. Он говорил, как нудно из-за этого служить. А ведь закон для всех... Исполняй закон, и не было бы людям обиды.

– Но ты-то что за защитник закона? Кто тебе позволил?

– За правду беспокоюсь, вашескобродие... Говорил, что матрос не должен позволять, чтобы его били.

– И начальство бранил?

– Точно так. Случалось, осуживал, ваше-скобродие.

– За что ж ты смел судить?

– Каждый человек смеет судить по своему понятию, вашескобродие... Я и осуждал, что господа офицеры должны давать пример законно, а они дерутся, и нет им... Вот и весь был мой бунт.

– И меня бранил?

– Случалось, вашескобродие! – правдиво вымолвил Отчаянный.

– За что?

– За то самое, вашескобродие!

– Ты взаправду отчаянный! – промолвил старший офицер, но возмущенного чувства в нем уже не было.

Он задумался и находился в смятенном настроении человека, которого внезапно выбили из колеи.

Пронеслось что-то светлое, когда и он в дни юности беспокоился за правду... Сам безупречно честный, он возмущался боцманом, о проделках которого и не догадывался и которым начинал верить. Изумлялся Отчаянному и понимал, что он не бунтовщик, но во всяком случае беспокойный матрос и заслуживает наказания за нарушение дисциплины, и такой матрос будет заводить «истории». Если отдать его под суд, то, наверное, переведут в штрафные, – и будущность человека испорчена. Да и обнаружится многое, что делалось на «Грозящем» и что будет неприятно для старшего офицера и капитана.

Иван Петрович считал себя справедливым. И в голову его пришла мысль, что, по совести, следовало бы отдать под суд боцмана, если все, что говорил Митюшин, подтвердится дознанием. Но боцман был отличным исполнителем, и лишиться такого человека неприятно для старшего офицера. И главное, снова на суде вынесется тот сор, который выносить бо-

ится начальство, а Иван Петрович боялся всякого начальства, так как думал О своем благополучии. Да и, отдавая боцмана под суд, старший офицер обнаружил бы свою вину. Как он не знал таких беззаконий и служил с боцманом две кампании?

В конце концов старший офицер, раздраженный, что на «Грозящем» из-за матроса вышли такие неприятности для него, и без того целые дни хлопотавший без устали, запутался и не знал, что сделать с Отчаянным.

Прошла минута, другая. И наконец у старшего офицера явилось решение замять все это дело. По крайней мере, это казалось такому бесхарактерному человеку лучшим, выходом.

И он сказал Митюшину:

– Я прощу твой проступок, если ты будешь просить прощения у боцмана... Мне жаль тебя... А я поговорю с боцманом... Понял?

– Понял, вашескобродие!

– Но только смотри, чтоб впредь ни гу-гу... Не болтай, а то попадешь под суд и пропадешь... Не забудь этого... Какой бы ни был боцман – не твое это дело, а дело начальства...

И не тебе о нем рассуждать... А если считаешь себя безвинно наказанным, можешь жаловаться по начальству!

Старший офицер думал, что спас Отчаянного и тот должен быть благодарен. В то же время история окончится. А боцмана он разнесет и ему пригрозит. Он перестанет драться и брать взятки...

Но Митюшин не только не обнаружил благодарных чувств – напротив, он был мрачен.

– Так ступай и под арест не садись!

– Слушаю, вашескобродие... Но только...

– Что еще?

– Я не пойду просить прощения у боцмана. Если кого под суд, то следует его, вашескобродие...

– Молчать! Я прикажу тебя выпороть! – вспылил старший офицер.

– На то закона нет, вашескобродие! Прикажете прежде судить, вашескобродие! Правда окажется! – ответил Отчаянный и вышел из каюты.

VIII

Старший офицер одумался, и Отчаянного розгами не наказали.

Через день после дознания его отправили в Петербург, и Отчаянный был посажен в морскую тюрьму как подследственный. Осенью его перевели в госпиталь, — у него оказалась скоротечная чахотка. В палате Отчаянный по-прежнему беспокоился за закон, тосковал по правде, говорил соседям-больным горячие речи...

Он все еще ждал суда и надеялся, что там «правда окажется» и боцмана уберут.

Отчаянный так и не дождался. Перед рождением он умер.

Notes

[^^^]